

УДК (821.161)

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-88-98

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ТОЧКА РАВНОДЕНСТВИЯ» КАК ЭТАПА УТВЕРЖДЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ГЕРОЯ

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.², Минова М. В.²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

² *Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Актуализировать в литературоведческом научном обороте категорию «точка равноденствия», произвести анализ произведений Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и М. Горького «Голубая жизнь». Выявить взаимосвязи интенций героев-личностей в «точке равноденствия» с благородным делом и самотрансценденцией.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ художественных произведений с целью определения «точки равноденствия» как архитектурно значимого компонента структуры. Так как герои разбираемых произведений являются субъектами композиционной структуры, можно сказать, что для понимания целостности произведения и роли в нём «точки равноденствия» мы ориентируемся на диалог как на метод, предложенный М. М. Бахтиным.

Результаты. По итогам исследования установлена взаимосвязь произведений в изменении повествовательной точки видения и разрешении архитектурного целого с помощью «точки равноденствия». «Точка равноденствия» являет собой рубеж перехода от характера к личности; и от личности — к характеру. Выявлена потребность героя-личности в самотрансценденции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает, что смыслообразование и самотрансценденция являются необходимыми качествами героя-личности. Обобщение особенностей нарратива Л. Н. Толстого и М. Горького при создании ими образа героя-личности, находящегося в процессе самотрансценденции, позволяет прийти к выводам, что проблема преодоления экзистенциального кризиса являлась одним из важнейших вопросов на рубеже конца XIX – начала XX вв., её разрешение предлагается через максимальное сближение героя и читателя посредством «точки видения» и несобственно-прямой речи; что, в свою очередь, позволяет говорить о диалоге как о методе художественного отображения внутреннего мира произведения. Данное исследование позволяет провести параллель между творческой деятельностью классиков отечественной литературы.

Ключевые слова: голубой цветок, «Смерть Ивана Ильича», «Голубая жизнь», самотрансценденция, «точка равноденствия»

ACTUALIZATION OF THE “EQUINOX POINT” CATEGORY AS A STAGE OF ASSERTING THE HERO’S SUBJECTIVITY

A. Markova¹, G. Mamukina², M. Minova²

¹ *Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya pl. Moscow 125993, Russian Federation*

² *Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To actualize the category "equinox point" in the literary, scientific turnover, to analyze the works of L. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich" and M. Gorky "Blue Life". To reveal the relationship of the heroes-personalities' intentions at the "point of the equinox" with a noble deed and self-transcendence.

Methodology. The primary method of work is a comparative analysis of works of art to determine the "equinox point" as an architecturally significant component of the structure. Since the heroes of the works being analyzed are subjects of the compositional structure, we can say that to understand the work's integrity and the role of the "equinox" in it, and we focus on dialogue as a method proposed by M. Bakhtin.

Results. The interrelation of works is established in changing the narrative point of view and resolving the architectonic whole with the "equinox point." The "equinox point" is the boundary between character and personality, and from personality to character. The need for the hero-personality for self-transcendence is revealed.

Research implications. The study confirms that the formation of meaning and self-transcendence is a necessary quality of the hero-personality. The generalization of the features of L. Tolstoy and M. Gorky, when they create the image of a hero-personality in the process of self-transcendence, allows us to conclude that the problem of overcoming an existential crisis was one of the most important issues at the turn of the late 19 – early 20th centuries, its solution is proposed through the maximum rapprochement of the hero and the reader through the "point of view" and improperly direct speech; which in turn allows us to speak of dialogue as a method of artistic reflection of the inner world of a work. This study makes it possible to draw a parallel between the creative activities of Russian literature's classics.

Keywords: Blue flower, "Death of Ivan Ilyich", "Blue life", self-transcendence, "equinox point"

Введение

Актуальность смыслообразования как важнейшего вопроса личности и общества в целом невероятно высока. В связи со становлением нового течения метамо-дернизма как «глобального явления» [9, с. 90] ответ на него уже выходит, как отмечают И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Д. А. Гурцкой, за предложенные А. Маслоу границы самоактуализации и рассматривается различными социальными науками с точки зрения необходимой самотранценденции [1, с. 186].

Именно самотранценденция, по мнению исследователей, способна предоставить личности ресурсы для преодоления экзистенциального кризиса, который неизбежно является следствием осознания конечности бытия и переоценки ценностей. Ссылаясь на А. В. Васенкина, они говорят о двух возможных исходах преодоления этого порогового состояния. Неблагоприятный исход преодоления порогового состояния ведёт к отрицанию морали, которое приносит страдание и приводит к отчуждённости. Вследствие

этого возможно появление суицидальных настроений, отсутствия воли, враждебности, «саморазрушения и деструктивного поведения» [1, с. 187; 5]. Положительный исход преодоления порогового состояния, напротив, способствует самотранценденции, личностному росту, открывает новые горизонты, позволяет найти парадоксальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации и такое осознание своей жизни, когда «путь становится духовной категорией» [1, с. 187; 5].

То, что психологи называют пороговым состоянием, в теории литературы принято определять как *точку равноденствия*. Термин предложен Н. Д. Тмарченко для определения перехода персонажа литературного произведения от «характера» к личностному «я». Однако так же, как в объективной реальности, переход возможен и в обратную сторону. Рассмотреть оба варианта представляется существенным, так как такой анализ позволит определить значимость «точки равноденствия» для построения архитектурного целого.

Для анализа выбраны повесть «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого и рассказ «Голубая жизнь» М. Горького. Выбор данных работ обусловливается схожестью стилистического обрамления *точки равноденствия* – неожиданным изменением видения нарратора, а также инструментов категоризации для изменения фокализации «в зависимости от выбранной точки зрения» [14, с. 347].

Точка равноденствия становится центральным событием обоих произведений, что позволяет предположить, что она является ключевым элементом архитектоники, «воззрительно-интуитивно необходимого» [3, с. 70] исследуемых работ. Данную мысль подтверждает и то, что *точка равноденствия* является необходимым этапом становления героя, именно вокруг которого, по мысли М. М. Бахтина, архитектурно выстраивается завершённое целое.

Обрисовка дохарактера и характера в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

Работа над сравнительно небольшим для Льва Николаевича текстом заняла четыре года. Как известно, у героя был вполне реальный прототип. Поражённый судьбой своего близкого знакомого И. И. Мечникова, Л. Н. Толстой решает найти ответ на вопрос о смысле жизни, который преследовал больного. Автор старается объяснить парадокс, почему беспечное и вполне благополучное существование оценивается человеком, находящимся в экзистенциальном кризисе, как бесцельное, не имеющее смысла.

Для осуществления задумки писателю была необходима принципиальная отчуждённость персонажа, его духовное одиночество, которое должно ощущаться читателем сразу же, с первых строк произведения.

И что может сильнее выразить чувство отчуждения, чем не объявление о трагической кончине? Инстинктивно читатель отстраняется от объекта повествования,

точно так же, как это подчёркнуто делают другие персонажи произведения. Узнав о смерти своего сотоварища, каждый из них чувствует некоторое, сокрытое глубоко внутри облегчение, что страшная участь постигла кого-то другого, но не его. Эти мысли напоминают гул, передаваемый автором через несобственно-прямую речь. Можно сказать, что происходит сближение повествователя с персонажами настолько, что слышится их общее, единое, «хотя и скрытое в данный момент от героев, слово» [13, с. 247; 12, с. 33]. Этот гул крайне неприятен. Так как читателю кажется, что и его скрытый голос звучит в этой многоголосице. Казалось бы, на этом следует ставить точку. Автор же начинает с этого повесть, прекрасно понимая неловкость своего читателя, который, пытаясь преодолеть силу откровенно звучащего торжества собственной жизни и мучительного страха это торжество утратить, вместе с коллегами по службе Ивана Ильича вынужден исполнять «очень скучные обязанности приличия»¹.

Однако через угнетённую отстранённость вдруг прорывается живое страдание, и это меняет тональность произведения, обнажает истинные эмоции персонажей, раскрывает их суть. И делает читателя сопричастным личностной трагедии совершенно незнакомого ему героя. Такое сближение происходит благодаря изменению *точки видения* повествователя. От объективной речи автор вдруг переходит на несобственно-прямую речь, на выражение мыслей и чувств близкого знакомого покойного Петра Ивановича. Тот с тяжёлым сердцем едет на панихиду к вдове коллеги. Уже знает, какие общие слова утешения должен сказать. Но вдруг, узнав о страданиях своего давнего приятеля, которого он знал ещё с юности, явно представляет его себе, как живого. Это неожиданное откровение, передающееся и читателю, как будто срывает маски со всех окружающих, ломает театральные декорации и заставляет увидеть действительность такой,

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 197.

какая она есть. Пётр Иванович обнаруживает «неприятное сознание своего притворства и притворства этой женщины»¹, Прасковьи Фёдоровны, вдовы.

Страшная догадка, что никто, и даже сам Петр Иванович, не застрахован от того, что его может постигнуть участь коллеги, заставляет героя поскорее управиться с делами, дать вдове денег, на которые та откровенно намекала, и поскорее выйти на свежий воздух. Эпизод заканчивается тем, что Петр Иванович решает ехать играть в карты, чтобы почувствовать себя живым.

Как мы видим, смещение точки зрения в самом начале произведения делает повествование крайне интимным, заставляет преодолеть отстранённость, заданную автором с первых же строк произведения, но лишь затем, чтобы показать притворство и жадность персонажей, но не ради их обличения. В спокойном повествовательном изложении не чувствуется сатира, только давящая, навязчивая мысль необратимости времени и неизбежности конца. Автор раскрывает перед читателем неприглядную сторону сознания героев, но не столько для их разоблачения, сколько для «саморазоблачения» [13, с. 246]. И эта предельная, интимная откровенность заставляет читателя заглянуть в глубины собственной души.

Страх и сострадание, опосредованные глазами персонажа, готовят читателя к встрече с главным героем.

Со следующего фрагмента и до завершения повести центр повествования смещается на фигуру Ивана Ильича. Автор последовательно разворачивает перед читателем умеренно-спокойно жизнеописание ключевой фигуры произведения. Мы видим, что Иван Ильич находит удовольствие в маленьких и приличных радостях: во вкусной еде, приятном обществе, игре в карты и танцах.

И за этой умеренной и размеренной жизнью не скрывается никаких душевных порывов, поисков или высоких стремлений. Главный интерес сосредоточен на

благополучии семьи и аккуратном исполнении служебных обязанностей. Иван Ильич служит в судебном учреждении и не вдохновлён своей работой, видит в ней общественную значимость, просто исполняет её, не забывая при этом о том, каким предстаёт он в глазах общества.

Л. Н. Толстой для описания службы Ивана Ильича использует слова и словосочетания с подчёркнуто положительной, почти приторно-слащавой, коннотацией: «приятно», «немалую приятность», «дружное», «хорошее», «весело», «жалованье было большое», «быстро и тонко соображая», «всегда был в выигрыше»². Не остаётся сомнений, что Иван Ильич живёт счастливой жизнью.

Но можно ли назвать счастливой ту жизнь, которая проживается как бы в забытьи, в сладком тумане, без участия воли, глубоких устремлений и искренних чувств? Даже в этой «идеальной» жизни чувствуются некоторая локализованность происходящих событий, ограниченность, душная несвобода.

Многие исследователи обращают внимание на фразу, которой открывается второй фрагмент повести и линии Ивана Ильича. Л. Н. Толстой пишет, что жизнь его героя была «самая простая и обыкновенная и самая ужасная»³?

А. Е. Ефименко, анализируя произведение, отмечает, что ужасным существование Ивана Ильича стало вследствие постигшей его болезни, лицемерия родных и разоблачения «великого обмана, которым оказалась вся его жизнь» [8, с. 37–38].

Е. Г. Данилова видит проблему в предельном одиночестве персонажа, которое «раскрывается через систему сенсорных кодов» [6, с. 53–58]. Л. Н. Толстой предельно точно описывает состояние Ивана Ильича, когда тот постепенно теряет радость от того, что раньше наполняло приятностью его жизнь. Герой не может есть, не чувствуя неприятного вкуса во рту, не находит утешения ни в работе, ни в картах. Коллеги, чувствуя действие болезни,

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 197.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 206.

отстраняются от него, родные настолько поглощены собственными мелкими заботами, что не замечают серьёзности ситуации, врачи высмеивают. Никто, кроме Герасима, простого крестьянина, не способен проникнуться сочувствием к страдающему человеку.

Однако заметим, что определение «самой ужасной» жизни появляется в самом начале жизнеописания, задолго до трагического падения Ивана Ильича на лестницу, которое привело к болезни.

Надо полагать, что *ужас*, о котором пишет Л. Н. Толстой, скрывается не только в личной трагедии героя, но и в бессмысленном и пустом существовании, в гедонизме, которому придаётся светское общество. Поэтому к такой жизни подбирается два сильных эпитета: «самая обыкновенная» и «самая ужасная».

Иван Ильич, на первый взгляд, становится жертвой обстоятельств. Но для разрешения целого эти обстоятельства не случайны. Читатель понимает, что жертва эта была принесена ради удовольствий, которые Иван Ильич находил в маленьких обедах, игре в карты и танцах. Он хотел соответствовать обществу, даже чуть-чуть быть выше сотоварищей, поэтому пристальное (можно сказать, мещанское) внимание к предметам интерьера и тщеславие становятся причиной трагедии.

Подготавливая к ней читателя, Л. Н. Толстой использует часто применяемый им в произведениях, где речь идёт о проступке и грехе (вспомним рассказ «Упустишь огонь – не потушишь»), кумулятивный эффект. Подробное и обстоятельное описание быта героя, даже с замечаниями о причинах ссор с женой (например, из-за конфет и тортов для одного из обедов), его суждение о *comme il faut*¹ и приличном, а также то, что герой получает хорошее место, которое дела-

ет его выше его товарищей, – ведёт читателя к острому сюжетному повороту.

Читатель уже знает окончание этой истории. Но находится в напряжении, чувствует беспокойство, так как страшная беда постигнет героя в самое неподходящее время – в момент триумфа, радости, реализовавшихся планов, благополучия и состоятельности.

Однако, если бы в произведении не было этого поворота, если бы жизни и здоровью героя ничего не угрожало, читать повесть становилось бы невозможно.

Иван Ильич до своей болезни не может называться героем произведения. Эта фигура представляет собой *дохарактер*, потому что не отделяет как-то себя от общества. Он существует в рамках предложенных норм и руководствуется только эстетическими принципами в принятии решений. Иван Ильич даже не имеет представления о себе самом, так как никогда не задаётся вопросом о смысле жизни. Однако течение болезни кардинально меняет ситуацию, он осознаёт себя как «совсем, совсем особенное от других существо» [13, с. 248] и начинает лично развиваться.

Точка равноденствия как этап становления героя-личности

Переход от дохарактера к характеру довольно длительный, и какой-то рубежной границы здесь выделить сложно. Эта перемена длительная и происходит в силу усугубления состояния персонажа и его отчуждённости от мира. Рефлексия заставляет его обратиться к фундаментальным духовным основам, вспоминать уроки силлогизма, сопоставлять себя с Каем.

И Л. Н. Толстой снова использует приём изменения точки видения, который заставляет читателя ощутить предельную близость с героем произведения. На сей раз чувствуя не смущение и неловкость, а неприкрытое отчаяние: «И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ивану Ильичу, со всеми *моими* чувствами,

¹ *Comme il faut* – фр. как надо, как следует. Л. Н. Толстой образует прилагательное, добавляя русский суффикс и окончание. Слово приводится в таком варианте, в каком встречается в повести «Смерть Ивана Ильича». Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 210.

мыслями, – мне это другое дело»¹ (курсив наш. – А. М., Г. М., М. М.).

Автор в этом произведении до жестокости последователен. Он старательно изображает все мучения своего героя, даёт, а затем отнимает надежду на исцеление, заставляет пережить сначала скучающее безразличие родных, а затем и вовсе их глупое предательство (вспомним, как Прасковья Фёдоровна обменивается с доктором лукавыми взглядами, подразумевая, что больной сам виноват в своей болезни, так как плохо лечится). И, наконец, представляет изображение боли, не утихающей ни на миг, даже под воздействием опиума: «Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий чёрный мешок, и глубокий, и все дальше просовывают, и не могут просунуть»².

Л. Н. Толстой заставляет пройти героя, а вместе с ним и читателя, через все муки, чтобы показать удивительное преобразование, такое важное и решающее для произведения, – значимое не только для разрешения целого повести, но и для нового этапа поэтики художественной модальности. Персонаж художественного произведения перестаёт быть просто явленным характером, который действует в художественном мире, согласно заданным ему установкам. Это уже не просто фигура произведения, не функциональная единица, а *личность*.

И переход к этой стадии возможен только в *точке равновесия*, в которой Иван Ильич «перестает быть *характером* и становится *личностью*, “я” (курсив – А. М.)» [13, с. 248].

Эта точка намечена явно. Для разрешения целого и становления героя как личности используется самотрансценденция как смыслообразующее качество характера: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было»³. В стремлении проявить заботу о тех, кто ему близок, Иван Ильич преодолевает экзистенциальный кризис и постигает смысл жизни не в «приятности», а в искренности. Претерпевая страшные

муки, находит в себе силы сострадать боли других.

Точка равновесия, которую герой проходит в самом финале повести, имеет структурную значимость для завершения архитектурного целого. Как ни парадоксально это может прозвучать, но «Смерть Ивана Ильича» – это повесть не о муках и смерти, а о смысле жизни. Л. Н. Толстой дидактически и жёстко раскрывает предел человеческого нравственного и физического страдания, использует изменение точки видения и переход на несобственно-прямую речь, чтобы предельно приблизить читателя к сознанию героя, показать бытие глазами личности и методично сбросить маски «приличия» с представителей светского общества, обнажив истинную суть вещей.

Как и в первом эпизоде, на протяжении всего повествования для решения этой задачи патриарх русской литературы использует внезапные озарения, данные героям: воспоминания, искрение слёзы, страх и злость. И когда, казалось бы, действующему персонажу ничего больше не остаётся, а муки его становятся нестерпимыми, Л. Н. Толстой добавляет главный элемент повествования. Благодаря такой композиции, архитектурным центром которой становится *точка равновесия*, повесть «Смерть Ивана Ильича» выводит на литературную сцену нового героя: героя-личность, героя-человека, способного на духовную трансформацию, самотрансценденцию и на сострадание.

Субъект в рассказ М. Горького «Голубая жизнь»

Если в повести «Смерть Ивана Ильича» *точка равновесия* становится рубежным переходом от характера к личности, в рассказе «Голубая жизнь» М. Горького она служит противоположной цели. Проблема смыслообразования находит новое разрешение в личностном поражении, в морально-нравственной катастрофе персонажа, не способного противостоять чёрствости и наглости.

¹ Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 240.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 268.

Рассказ «Голубая жизнь», написанный в 1924 г., строго говоря, сложно отнести к реалистической прозе. Как отмечает Е. Г. Белоусова, произведения этого периода, ознаменовавшие новый этап творчества М. Горького, отмечены наличием фольклорных элементов, а также связаны с европейской книжной традицией и национальной духовной культурой [4, с. 26], а следовательно, фабульная основа не может рассматриваться вне литературно-исторического контекста.

Действительность явлена глазами героя с тонкой душевной организацией и нестандартным миропониманием.

Константин Миронов (обратим внимание, что «говорящие имена» как имена-символы» [7, с. 18] создают в рассказе ещё один уровень понимания текста), подобно герою эпохи романтизма, видит конфликт между мирами профанным и священным. Мир идеального видится ему Парижем в «голубом тумане восхищения»¹, а действительность заключается в пыльном, душном провинциальном городке, где под ноги бросают петушиные головы и по улицам гоняют козлов, а основные достопримечательности – церковь и больница для умалишённых.

Ситуация двоemiрия обостряется особым восприятием Миронова, он отказывается «думать» – анализировать и впускать в себя пустую и жалкую действительность, которая пахнет ненавистными ему мочёными яблоками и рыбными пирогами. Обитатели городка не терпят инакомыслия, отрицают возможность существования каких-либо мнений, интересов, полярности точек зрения. Они проживают свои жизни в постоянной перебранке, в грязи и пыли. Миронов не желает быть причастным к такому миру, ему остаётся лишь созерцать голубое небо и грезить городом своей мечты.

Однако двум встречам суждено определить судьбу героя, раскрыть в нём качество самотрансценденции, но затем подвести к точке равноденствия, где личность утрачивает свои черты и становится характером.

Влияние двух персонажей, Лизы Розановой и Каллистрата, которые даже колористически противопоставлены друг другу голубым и розовым (имеющим отрицательную коннотацию в произведении) цветами, представляют собой борьбу двух начал: небесного и земного, возвышенного и праздного. Мы можем сказать, что здесь наблюдается оппозиция книжной европейской культуры и народно-шутовского миропонимания, последнее благодаря осмыслению через контекст русской духовной культуры представляется демоническим началом.

Лиза Розанова – соседская девушка, которую Миронов давно знает, но никогда не обращал на неё особенного внимания, пока не увидел идущей из церкви в первый день Пасхи. Заворожённо герой наблюдает, как её, одетую в голубое, щедро освещает солнце и провожает праздничный колокольный звон. Важные для героя детали довершают картину: «маленькая, стройная и в то же время пышная, как *необыкновенный цветок*, она была вся голубая, даже в голубых чулках»².

Важно заметить, что М. Горький не только продолжает традицию рецепции и интерпретации символа немецкого романтизма отечественной словесностью (достаточно вспомнить хронологически близких писателю поэтов Серебряного века: Вяч. Иванова, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилёва, Н. Тэффи), но предлагает своё осмысление данного образа, близкое к первоисточнику.

Голубой цветок в рассказе М. Горького перестаёт быть некой абстракцией, недостижимой мечтой. Он находит зримое отображение в Лизе Розановой, как когда-то нашёл его в Матильде. И, как и в романе Новалиса, становится художественной вариацией женского начала, «воплощает собой архетип Анимы» [11, с. 188].

С этого дня Миронов делает девушку причастной к его мечте. И герой, подобно Генриху фон Офтердингену, решается на *поступок*. Если для Новалиса это был по-

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. С. 245.

² Там же. С. 245.

иск голубого цветка, то для М. Горького – это строительство и благоустройство дома, стены которого покрашены голубым цветом. Создание маленького рая на земле для своей возлюбленной становится для героя целью, в которой должно реализоваться качество самотрансцендии.

Необычный выбор краски настолько «приводит в замешательство город» [10, с. 120], что голубой дом становится объектом насмешек и вандализма. Соседские мальчишки забрасывают грязью небесно-нежные стены, а отец Лизы, почтенный Розанов (ассоциирующийся со своим одноэтажным кирпичным домом), открыто высказывается о непрактичности голубой краски.

В тот самый момент, когда Константин Миронов не находит себе места от мысли, что сосед никогда не отдаст за него Лизу, на его жизненном пути появляется Каллистрат. Тот ночью дёгтем написал на голубой стене слово «Дом». Миронов застаёт его убегающего, но не ругается, а недоумевает, зачем портить хорошее.

Каллистрат, чьи глаза так блестят в темноте, что «вызывают впечатление укола иглой»¹, объясняет, что сделал это для того, чтобы привлечь внимание. О себе он при этом горделиво заявляет, что его даже судили за его выдумки. Одна из них – наливать керосин в почтовые ящики и кидать зажжённую спичку. Каллистрат считает, что Миронов соревнуется с ним. Однако убедившись в бесхитрости и простодушии Константина, вдруг вызывается ему помочь покрасить дом.

Как отмечает Е. Г. Белоусова, черты Каллистрата узнаваемы, апеллируют к духовному и культурному наследию, заставляют читателя признать этого персонажа частью той силы, что творит «добро», желая при этом зла. М. Горький указывает на детали: босые ноги, неподпоясанная (розовая!) рубаша, остроконечная бородка, хромота, но при этом поразительная ловкость и невесомость, как у тени. Разумеется, содействие такого помощника не может привести к положительному результату. И окончательное, тотальное унич-

тожение и мечты Миронова, и всей его высокой, застенчивой голубой жизни – самое веское основание для уподобления Каллистрата нечистой силе, «сопоставимая в фольклорной традиции с чёртом» [4, с. 27].

В финале рассказа Миронов оказывается в сумасшедшем доме, где проходит трансформация персонажа. Осознавая своё бессилие и бесправность, неспособность противостоять не только ограниченности материальных ценностей, но и не имея воли и сил, чтобы бороться с метафизическим злом, Миронов отказывается от роли личности.

Экзистенциальный кризис субъекта и «точка равенства», обрисовка дохарактера

На уровне текста *точка равенства* явно обозначена изменением видения. Если большую часть произведения повествователь, как невидимый дух, следует за Константином и передаёт читателю все его внимательные и точные замечания, чего бы они ни касались, голубого банта Лизы или босых ног Каллистрата, то теперь, после разговора с главным врачом лечебницы, повествователь исчезает.

Вместо него вдруг появляется рассказчик. История Миронова оказывается известной тому в пересказе врача, который характеризует Константина как «рожа незабвенная»², что уже является неким рубежом, переломным моментом, после которого читатель будет воспринимать персонажа как совершенно новую фигуру в произведении.

Рассказчик встречается с малоприятным человеком, хозяином «Переплётного заведения» Константином Мироновым, который из сложной, тонкой личности становится дохарактером: «он подробно рассказал о ценах материала, о капризах рабочих, о тяжести налогов и о многом другом, что должно было убедить меня (то есть, рассказчика – А. М., Г. М., М. М.) в его бескорыстности»².

Миронов так охотно рассказывает о своём временном помешательстве, к книгам отно-

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 11 С. 254.

² Там же. С. 291.

сится как к товару, ошеломляет своим прагматизмом, упоминая о суде с Розановым из-за наследства (Лиза стала его женой, но умерла при родах), что у рассказчика появляется острое желание снова свести его с ума.

Для Миронова переход точки равноденствия – это деградация личности и укрепление дохарактера, что осмысливается М. Горьким как личностная и культурная трагедия. В социальном аспекте Миронов утверждается в своём городке, но в моральном, психологическом и духовном планах становится инвалидом.

Однако для рассказа *точка равноденствия* по-прежнему остаётся архитектурно-значимым элементом, определяющим смысловое целое. М. Горький с прискорбием признаёт, что обществу не нужны неординарные личности, для функционирования достаточно исполнять свои функции. Эта идея сближает М. Горького с Е. И. Замятиным, хотя и выражается несколько иначе. Герой не может ни противостоять объективной реальности, ни бороться со злом на более тонком уровне. Это приводит к краху голубой мечты.

Заключение

Точка равноденствия в рассматриваемых произведениях Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и М. Горького «Голубая жизнь» является архитектурно-важным элементом завершённого целого, служит для раскрытия и передачи

авторской интенции для «коммуникации между поэтом (авторами. – А. М., Г. М., М. М.) и читателем» [2, с. 65], для выражения перехода от характера к личности и от личности к дохарактеру. Она связана с выражением и описанием героя-личности как персонажа, способного к самотрансценденции.

Для подведения героя к данному событию обоими авторами используется такая точка видения повествователя, которая воспринимается читателем как предельно близкая, интимная. Л. Н. Толстой использует переход на несобственно-прямую речь, включает неожиданные ретроспективные образы и описание состояния героев. М. Горький уделяет внимание деталям, которые создают контекст и дают внимательному читателю отсылку к европейской литературной традиции и к национальному фольклору, а также заменяет повествователя на рассказчика для ощущения личностного поражения главного героя.

Нарративная точка видения позволяет читателю приблизиться к герою-личности, стать сопричастным его судьбе и даже подойти с ним к «точке равноденствия», адаптировано и контролируемо пережить с героями экзистенциальный кризис. И, возможно, поставить для себя какие-то важные вопросы.

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Абакумова И. В., Годунов М. В., Гурцкой Д. А. Самотрансценденция как основа преадаптивной стратегии смыслообразования // Научно-педагогическое обозрение. Томский государственный педагогический университет. 2020. № 3. С. 185–190.
2. Бахнова Ю. А., Чалей О. В. Функции экфрасиса в цикле “Fantasies Decorative” О. Уайльда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 62–66.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари, 1998. 955 с.
4. Белоусова Е. Г. О роли фольклорно-мифологических элементов в стиле М. Горького («Голубая жизнь») // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Т. 64. № 6 (260). С. 26–29.
5. Васенкин А. В. Что такое экзистенциальный кризис // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 81–86.
6. Данилова Е. Г. Тема одиночества в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология: сборник статей по материалам

¹ Горький М. Голубая жизнь // Горький М. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 11. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 292.

- I Международной заочной научно-практической конференции. М.: Международный центр науки и образования, 2016. С. 53–58.
7. Долгова Е. Г., Гаврилова Н. А. Имена-символы в английской художественной литературе и способы их передачи на русский язык // *Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвузовский сборник научных трудов* / отв. ред. Ю. К. Воробьев. Саранск, 2004. С. 16–19.
 8. Ефименко А. Е. «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого: мотивировки порождения диегезиса. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы XI Международной научной конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 36–39.
 9. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамоде́рнизм в концепции А. Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2018. № 3 (39). С. 128–138.
 10. Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. Голубой цветок как символ благородного дела и бессмертия // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 1. С. 115–124.
 11. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Своеобразие понимания архетипа «Голубой цветок» другими культурами // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2019. № 2. С. 187–191.
 12. Тamarченко Н. Д. Типология реалистического романа: На материале классических образцов жанра в русской литературе XIX века. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. 195 с.
 13. Теория литературы: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко, С. Н. Бройтмана. Т. 2. Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. 368 с.
 14. Чалей О. В. К вопросу о соотношении концепта и лексического значения слова // *Язык, сознание, коммуникация*. М., 2014. С. 344–351.

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Godunov M. V., Gurtsoy D. A. [Self-transcendence as the basis of the pre-adaptive strategy of meaning formation]. In: *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet* [Scientific and pedagogical review. Tomsk Pedagogical State University], 2020, no. 3, pp. 185–190.
2. Bakhnova Yu. A., Chalei O. V. [Functions of ecphrasis in the cycle “Fantasies Decorative” by O. Wild]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, vol. 12, no. 10, pp. 62–66.
3. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii. T. 1 Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works. Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow, Russian dictionaries, 1998. 955 p.
4. Belousova E. G. [On the role of folklore and mythological elements in the style of M. Gorky (“Blue Life”)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology series. Art history], 2012, vol. 16, no. 6 (260), pp. 26–29.
5. Vasenkin A. V. [What is an existential crisis]. In: *Sotsial'naya kompetentnost'* [Social competence] 2018, vol. 3, no. 1, pp. 81–86.
6. Danilova E. G. [Loneliness in L. Tolstoy literary text “Death of Ivan Ilyich”]. In: *Nauchnyi forum: filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya: sbornik statei po materialam I mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Scientific forum: philology, art history and cultural studies. Collection of articles based on the materials of the I International correspondence scientific and practical conference], Moscow, Mezhdunarodnyi tsentr nauki i obrazovaniya Publ., 2016, pp. 53–58.
7. Dolgova E. G., Gavrilova N. A. [Symbolic names in English fiction and how they are transmitted into Russian]. In: *Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie problemy kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: Interuniversity]. Saransk, 2004. pp. 16–19.
8. Efimenko A. E. [“The Death of Ivan Ilyich” by Leo Tolstoy: the motivation for the generation of diegesis]. In: *Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Materials of the XI International Scientific Conference]. Chita, Transbaikalsk State University, 2018, pp. 36–39.
9. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodern in the concept of E. A. Chuchin-Rusov “the Unified field

- of world culture”]. In: *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Modern linguistic and methodical-didactic research], 2018, no. 3 (39), pp. 128—138.
10. Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. [Blue flower as a symbol of a noble cause and immortality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 1, pp. 115—124.
 11. Markova A. S., Mamukina G. I. [The peculiarity of the understanding of the archetype of the “Blue flower” other cultures]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky], 2019, no. 2, pp. 187–191.
 12. Tamarchenko N. D. *Tipologiya realisticheskogo romana: Na materiale klassicheskikh obraztsov zhanra v russkoi literature XIX veka*. [Typology of the Realistic Novel: Based on the Classics. samples of the genre in Russian. literature. XIX century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publishing House, 1988, 196 p.
 13. Tamarchenko N. D., Broitman S. N., eds. *Teoriya literatury. T. 2: Broitman S. N. Istoricheskaya poetika*. [Literature theory: vol. 2: Historical poetics]. Moscow, Academy, 2004. 368 p.
 14. Chalei O. V. [To the question of the relationship between the concept and the lexical meaning of a word]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, 2014, pp. 344–351.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: mamukina@mail.ru

Минова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: mariaminoва543@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – Postgraduate student, Department of Theoretical and Historical Poetics Russian State University for the Humanities, e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – Cand. Sci. (Sociology) Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Foreign Languages no. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mamukina@mail.ru

Maria V. Minova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages no. 3, Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: mariaminoва543@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. Актуализация категории «точка равноденствия» как этапа утверждения субъектности героя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 88–98.
DOI: [10.18384/2310-7278-2021-1-88-98](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-1-88-98)

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. Actualization of the Category "Equinox Point" as a Stage of Asserting the Hero's Subjectivity. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 1. pp. 88–98.
DOI: [10.18384/2310-7278-2021-1-88-98](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-1-88-98)